



Яна Кане

ЗИМОРОДОК

KINGFISHER

Yana Kane

Яна Кане

Зимородок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57450954

Кане Я. Зимородок : Стихотворения: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2020

ISBN 978-5-00098-264-8

Аннотация

Яна Кане родилась и выросла в Ленинграде. Она начала писать стихи в детстве, была одним из ранних участников поэтической студии Вячеслава Лейкина при газете «Ленинские Искры». Подростком Кане эмигрировала в США. Она получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, затем степень доктора философии в области статистики в Корнеллском университете. Работает статистиком. Её стихи, проза и эссе неоднократно печатались в русских, американских и западноевропейских изданиях. В книге «Зимородок / Kingfisher» на равных правах сосуществуют англоязычные, русскоязычные и двуязычные тексты. Книга эта состоялась по инициативе Дмитрия Быкова. Он так отозвался о литературной судьбе её автора: «Это двойное существование («на пороге как бы двойного бытия», как писал Тютчев, вероятно, самый близкий ей поэт) – первый такой случай в литературе. Большинство билингвов, переходя на другой язык, остаются собой. Кане по-английски – это другая личность

с другой памятью. ... И это первый случай, когда я не жалею о том, что талантливый поэт уехал из России. Собственно, он эмигрировал в литературу, а это лучшее, что можно сделать с собой».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	8
Introduction	11
Зимородок / Kingfisher	14
Metamorphosis	18
Metamorphosis	18
Ripening	19
The Age of discovery	20
1. Indra's net	20
2. Voyagers	21
3. Exploration	22
4. Siren song	24
5. Nightmares and their riders	25
6. Trains and their dreamers	26
7. Synaesthesia	27
8. The Age of Discovery	28
Theological Questions	30
Portrait of a room	31
Orbit	33
Creation stories	34
Creation	36
Realities	38
Constructivism	41
Double Negative	43

American Gothic	44
Supernova	45
Trees dreaming in winter	46
Soap bubble	47
Kingfisher	48
Глина	49
Глина	49
Узор	50
Элементы	51
1. Недра	51
2. Сообщающиеся сосуды	51
3. Зимородок	52
4. Игра в бисер	53
5. Сад	53
«Оставь, оставь... Что было, то прошло....»	55
Круг	57
Кантата	58
Молитва плотядному божеству	59
Душа	60
1. Тайком от разума	60
2. Прозреньё	60
3. Свобода	61
Жасмин	62
Молчанье	63
Зеркальная симметрия	64
Дары звездочёта	65

1. Слова	65
2. Хлеб	65
3. Метель	66
4. Свет	66
«Не зверь, не человек, не бог...»	68
Исход из центра Сансары	69
«Не там и не тогда – сейчас и здесь...»	70
«Скажи, откуда это воспоминанье...»	71
Свет	72
«До ночи донести набухшие глаза...»	73
«Ослепший разум следует покорно...»	74
Пляска	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Яна Кане
Зимородок
Стихотворения

Yana Kane
Kingfisher

© Быков Дм., предисловие, 2020.

© Кане Я., текст, 2020.

© «Геликон Плюс», оформление, 2020.

* * *

Предисловие

Яна Кане начала писать стихи еще в России, посещала в Петербурге ЛИТО Вячеслава Лейкина, но потом, в возрасте 16 лет, переехала в Штаты и правильно сделала. Не потому, что в Штатах лучше, а потому, что традиция ее поэзии – американская, метафизическая, и верлибр у нее органичен, хотя и рифмованным стихом, как вы увидите, она владеет вполне. Русская поэзия отягощена бытом и социальностью, а Яна Кане предпочитает всего этого не видеть или по крайней мере на этом не фиксироваться. Ее интересует тонкая грань между сном и бодрствованием, между агностицизмом (не безверием конечно) и верой, между стихами по-русски и стихами по-английски (они пишутся явно одним и тем же человеком, но в двух различных состояниях). Как сформулировала она сама – перевожу прозой и в строчку, – «На этом языке я беседую, спорю, флиртую с мужем, учу или развлекаю дочь, общаюсь с подругами из колледжа, отчитываюсь на конференциях, докладываю шефу, здороваюсь с соседями. А на ТОМ языке – я прислушиваюсь к шепоту призраков, их неспешной беседе, скользящей своей неизменной орбитой».

Это, конечно, несколько принижает английский: «свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, все это, а также

все, относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным» (Набоков). Но для Яны Кане именно русский – язык отвлеченностей, памяти, темных интуиций о Боге. Ее английские стихи написаны женщиной умной и проницательной, русские – женщиной чуткой и понимающей много больше, чем она хочет выразить по-английски.

Это двойное существование («на пороге как бы двойного бытия»), как писал Тютчев, вероятно, самый близкий ей поэт) – первый такой случай в литературе. Большинство билингов, переходя на другой язык, остаются собой. Кане по-английски – это другая личность с другой памятью. Но все это написано на русском холсте, на котором – русская почва, глина (название весьма важное и откровенное), русское подсознание и русские догадки о Боге. Именно религиозность Кане – ничуть не церковная, тем более не сектантская, – вписывает ее в традицию Тютчева, Тарковского, Заболоцкого; именно этот круг авторов – названных или не названных в эпитафиях, – определяет ее поэтику и темы.

Поэзия не нуждается в предисловиях, оправданиях и пояснениях. Кане – сложившийся поэт, сумевший из своей драмы сделать лирическую тему и превратить эту драму в факт литературы. А поскольку таким двойным бытием отягощены уже тысячи наших соотечественников, – бывших, или вернувшихся, или живущих на две страны, – эта книга будет востребована, прочитана и многим облегчит душу.

И это первый случай, когда я не жалею о том, что талантливый поэт уехал из России. Собственно, он эмигрировал в литературу, а это лучшее, что можно сделать с собой.

Дмитрий Быков

Introduction

Yana Kane began to write poetry while still living in Russia. She was a student in Vyacheslav Leikin's poetry workshop in St. Petersburg. At the age of 16, she relocated to the United States, which was the right thing to do. Not because it is better in the States, but because the tradition of her poetry is American – it is metaphysical, and free verse comes naturally to her; although, as you will see, she has a mastery of rhymed verse. Russian poetry is burdened by the struggles of everyday life and by societal concerns. Kane prefers not to see all of this, or at least not to fixate upon it. She is interested in the subtle border between dreaming and lucidity, between agnosticism (not unbelief, of course) and faith, between poetry in Russian and poetry in English. Her poems in the two languages are clearly written by the same individual, though in two different states of mind. As she herself formulated:

In this language,
I converse, argue, and flirt with my husband,
Teach and amuse my daughter,
Stay in touch with friends from college,
Confer with my colleagues,
Report to the boss,
Say hello to the neighbors.

In that language,
I listen to the voices of ghosts.
Their unhurried conversation
Glides along its immutable orbit.

This, of course, underrates English somewhat. Nabokov wrote: "...the subtle understatements so peculiar to English, the poetry of thought, the instantaneous resonance between the most abstract concepts, the swarming of monosyllabic epithets – all this, and also all that is related to technology, fashion, sports, the natural sciences, and the unnatural passions – in Russian become clumsy (rough-hewn)". But for Yana Kane, it is Russian that is the language of abstractions, of memory, of dark intuitions about God. Her English poems were written by an intelligent and insightful woman; the Russian ones were written by a woman who is attuned to a lot more than she wishes to reveal in English.

This double existence ("as though at the verge of double being," to quote Tyutchev, whose poetry probably is closest to hers) is the first such case in literature. Most bilingual writers remain themselves when moving to another language. Kane in English is a different person with a different memory. Yet all of this is painted on a Russian canvas; grows from Russian soil, from clay (a word that occurs repeatedly in her poetry, which is important and revealing); from the Russian subconscious and Russian intimations of God. It is Kane's religious sensibility –

not at all church-based, and even more definitely not sectarian – that places her poetry into the tradition of Tyutchev, Tarkovsky, Zabolotsky; it is this circle of authors that determines its poetics and themes.

Poetry needs no introduction, justification or explanation. Kane is a mature poet who has found a way to draw a lyrical theme out of her drama and to transmute this drama into literary fact. Since by now thousands of our compatriots – former, returned, or living in two countries – are burdened with such a double being, this book will be in demand, it will be read, and it will lighten many a soul.

This is the first case in which I do not regret that a talented poet left Russia. She emigrated into literature. And that is the best thing you can choose to do with yourself.

Dmitry Bykov

Зимородок / Kingfisher

Зимородок

Зимородок живёт в трёх стихиях. Гнездо – нора в земле. Пропитание птица добывает подводной охотой. А странствия – это полёт.

Яна Кане – человек, обитающий в трёх стихиях. Она обрела литературный голос на английском языке, но не утратила русский язык, не оборвала связь со своим наставником, Лейкиным, с кругом общения, в который вошла благодаря участию в его студии. По профессии Кане – статистик. Она так обозначила связь между своей профессиональной и литературной деятельностью: «Поэзия и статистика – это два разных языка, на которых я говорю о том, что структура и неопределённость в равной степени присущи нашему существованию».

Kingfisher

A kingfisher lives in three different elements: it builds its nest by digging a tunnel in the earth, travels by flying, feeds by diving and swimming to catch fish.

Yana Kane inhabits three domains: Russian poetry, English poetry, and statistics. She grew up in the Soviet Union and began to compose poetry as a child. She came to the US as a refugee at the age of 16. Her poems and translations in Russian and

English appear in anthologies and magazines in the US, Russia, and Western Europe. She holds a bachelor's degree in engineering from Princeton University and a Ph. D. in Statistics from Cornell University. She works as a statistician. For Kane, poetry and statistics reflect both the structure and the uncertainty of our existence.

*Посвящаю с любовью моей семье: Аде и Зиновию
(Жене) Кане, Брюсу Эсригу и Ариели*

*и с благодарностью – моим учителям: Вячеславу
Лейкину, Стелле Вербицкой, Профессору Элен
Чансес, Крейгу Келлер, Мастеру Ченг Хсианг Ю,
Сенсею Грегу О'Коннор, Роберту Фридману*

*и членам важных для меня сообществ:
Миллбурнского клуба, Beth Hatikvah synagogue, the
Aikido Centers of New Jersey, Madison Studio Yoga, the
Arts by the People program.*

Я признательна Брюсу Эсригу, который помог мне отредактировать англоязычные тексты, проявив при этом свои-
ственные ему вдумчивость, остроумие, любовь к слову (а
также пристрастие к точке с запятой).

Искренне благодарю Рашель Миневич, Эда Побужанского
и Александра (Сашу) Казакова за полезные советы и ценные
замечания.

Я рада, что Анастасия Шеперд стала моим партнёром
в литературной игре, которую мы назвали «Странники в

странном мире». Часть этой игры вошла в цикл The Age of discovery.

With love to my family: Ada and Zinovy Kane, Bruce Esrig and Ariel

With gratitude to my teachers:

*Vyacheslav Leikin,
Stella Verbitskaya,
Professor Ellen Chances,
Craig Keller,
Master Cheng Hsiang Yu,
Sensei Greg O'Connor,
Robert Friedman,*

to the communities of the Millburn Club, Beth Hatikvah synagogue, the Aikido Centers of New Jersey, Madison Studio Yoga, and the Arts by the People program.

Acknowledgements

I am grateful to Bruce Esrig for editing the English language texts. He brought to this task his penchant for deep thought, his playful sense of humor and his love of words and of semicolons.

I want to thank Rashel Minevich, Ed Pobuzhansky and

Aleksandr (Sasha) Kazakov for insightful comments and valuable suggestions.

I am glad that Anastasya Shepherd is my co-creator of the literary game we called “Travelers in a strange world”. This game is great fun to play, and it inspired “The Age of discovery”.

Metamorphosis

English language poems

Metamorphosis

What I used to think of
As myself
Turned out to be
A chrysalis.

Now it has split open.

An old woman is slowly emerging.

She will wait patiently
For her crumpled rags to unfurl,
For the sun to harden them
Into wings.

Ripening

*My little daughter wakes in tears:
She fancies that her bed is drawn
into a dimness which appears
to be the deep of all her fears
but which, in point of fact, is dawn.*

Vladimir Nabokov

Not life or death,
Creation or its fall,
Not good or evil,
But the whole, the all —

This fruit of knowledge
Is still dim, still green.
The ripening of dawn
Remains unseen.

The soul does not yet trust
The sense of sight,
Still hides in terror
From the kindling light.

It's here, though each glimpse of it is brief,
It's here, the lambent glow of joy and grief.

The Age of discovery

1. Indra's net

*Am I reflections of the world or the mirrors reflecting
it?*

Anastasya Shepherd

One story of this world
Begins with “Let there be light”.

I do not think that punctuation
Had been invented
When these words were first recorded.
But judging from what follows,
An exclamation mark
Should cap that sentence.

But what about Indra's net?
What are the words
That first emitted and still carry
The light that knits it into one great whole?
What punctuation should we use?
A question mark seems most fitting.

You and I, like everybody else,
Are both:
Jewels linked into a net
And reflections bouncing within a hall of mirrors.

But let us not get trapped.

We have the power to play it
Like a game, a dance,
A laugh-inducing tickle.

2. Voyagers

*Я список кораблей прочёл до середины
Осип Мадельштам*

*...The list Of soaring ships I've read up to the middle.
Osip Mandelstam (translated by Alex Sitnitsky)*

Wake up! Wake up!
There is a porthole, a port, a portal,
A momentary gap
Right here,
Where the past
Meets with the future.

A dawn breeze is rising.

You can glimpse the swaying masts,
The white sails being hoisted.
You can hear the seagulls laughing,
The lines groaning, singing,
Taut with force
Ready to propel the ship.

Let us arise and cross the threshold,
Let us run
To where the land and the water
Meet.

It is for us to name the vessel,
To unfurl the flag,
To set course
Across an uncharted sea.

3. Exploration

*It's a strange world,
made of echoing emptiness
pulling itself together...*
Anastasya Shepherd

To blossom into being
A new world needs travelers.

Now we are here,
Calling out to each other:
“Look!”, “Did you hear that?”,
“This feels just like...”
“Watch out!”, “Where does this...”,
“Well done!” “What if?”

Now we are here,
Exploring with all our senses:
Humor, awe, dread, irony, appreciation, wonder.

When we gaze up
Celestial bodies
Flare into existence,
Dance with each other.

Flocks wing across the sky,
Swarms billow over bogs,
The air comes alive
With singing, buzzing, courting, hunting, pollinating.

Each step we take tells us
What is underneath our feet:
Grass, ice, rock,
A swaying bridge above the mist
That rises from the chasm

To cling to our ankles.

I do not know how far
We are destined to travel.
But I trust this world
To keep unfolding space and time
For our journey of exploration,
For as long as we are here.

4. Siren song

*...you will come to the Sirens who enchant all who
come near them.*

Homer (translated by Samuel Butler)

Sirens have two kinds of songs
To lure those who come near them,
To bind the minds of travelers
With snares of longing.

Songs of adventure and of glory,
Of giving names
To new lands, to new creatures.

These songs promise freedom
From the tedium
Of familiar words,

From the confines
Of the cradle, the field, the hearth,
From the gray stones of the graveyard,
From the moss that steals over the names
Of a long line of ancestors.

Songs of warmth,
Of embracing arms and sheltering walls.

These songs promise to turn
The terrors, the regrets
Of past voyages,
The uncharted vastness of the future
Into words, into lusty tales
That can be traded
For a hearty tankard of ale
A seat close to the fireplace,
The eager gaze of a rapt listener.

5. Nightmares and their riders

*I have nightmares now.
I dream that something happened to you...*
Anastasya Shepherd

A nightmare is a kind of horse:
A powerful creature, wild and willful.

Approach her with respect, with skill,
For she may bite, kick or rear;
She may leave the one who dares to touch her
Broken, paralyzed, dead.

Yet she is capable of learning to accept a rider.

Balancing on the back of a nightmare,
Riding a dark dream,
We can leap much farther than is humanly possible.
A nightmare can carry us across an abyss.

6. Trains and their dreamers

*The train stitches together images,
like a demented alliterating seamstress...*
Anastasya Shepherd

The distant clatter
Of the predawn train
Quilts the quiet air,
Pulls the thread of the whistle
Long, long, l-o-ong
Through the mist.

Between sleeping and waking

I dream.

I piece together
Stations, timetables, tickets
To choose my own destination,
To fashion a different self.

7. Synaesthesia

*There are times in life when synaesthesia becomes
inescapable,
when water smells like lead and feels blue...*
Anastasya Shepherd

Escape is possible.

Search the floor of your perception,
Feel for the hidden trapdoor,
The moment of synaesthesia.

Pry it open,
Heave it up on its rusty hinges.
Plunge into the blue.

Roll up, solid, dull,
Like a ball of lead.
Sink through the water,

Pass through the gradations
Of the shimmering light
Deepening into darkness,
As the shadows thicken.
Let go of all
That has been visible.

Feel the weight of the ocean
Press you to the bottom.
Smell your own fear.
Taste the bile of loss.

Rise, rise like an air bubble.

Push through the cool resistance
Until you are released,
Until you burst into nothingness.

Let the freedom of empty space
Flood your senses with joy.

8. The Age of Discovery

You make choices.

Those choices make you.

Then you make choices.

Always a spiral – upwards or downwards – it's your

choice.
Anastasya Shepherd

Having circumnavigated our world,
I realize that it is not a sphere,
But a spiral.

I am back where I started from.
The path ahead is as unknown
As it was before the journey.

But you, my friend,
Who steadfastly stayed here
At the origin,
How did you find out?

Or was it clear?
Was it clear all along?

Theological Questions

Circling the pulsing center of their universe
The fish are passing through sunlight and shadow.
Their existence is framed, circumscribed, and protected
By the carved marble rim of the fountain's basin.

Do they fear or worship the hand that feeds them,
Removes their dead, repairs the stonework;
The hand that brought their ancestors here
From another world in a wooden bucket?

Can they see that the hand moves more slowly now,
That the bony fingers have grown stiff with age?

Portrait of a room

Now, as a human life in this room
Is ebbing,
The attitudes of the objects
Become apparent.

The rocking chair
Stretches forth its arm-rests,
Ready to embrace, to lull,
To enthrall with the stories
Of a long life-time.

The mirror turns a blind eye
To all that is happening here,
Gazing intently
Into its own distant dreams.

The hospital bed knows
That it is seen as ugly,
Unwanted in every room that it enters.
Yet it goes about its work
Reliably and with care,
Keeping the patient
As comfortable as it is able.

It does its best to be unobtrusive.

The edge of the crystal vase
Glitters hard in the corner.
Being confined to a sick-room,
Enduring the dusty monotony
Of pathetic fake flowers —
This is not what it's made for!

The curtains hold back the darkness,
Soften the mid-day light.
Catching the slightest motion of the air,
They stir like wings,
Like the white sails of a ship,
Sensing the wind, the space
Of a great invisible world.

Orbit

The Earth falls towards the Sun.

There are no elephants, no turtles,
No hand of Providence
For the world to rest on.

What keeps the planet in orbit
Is its unwavering observance
Of “the laws of nature”.

But what is inside those words?
Dead force?
A command backed by fear?
A solemn promise given long ago?
Or a bitter-sweet journey
On a freely chosen path?

Creation stories

To Orna Greenberg

In the story
Of the first creation
The Divine power
Lifts the supple clay,
To mold His image,
To imprint Her likeness.

The Divine breath
Enters the human shape,
Calls it to life.

The potter's hands
Explore a lump of clay,
Stroke, press in
The hollow of the vessel,
Form the plump lip,
Extend the graceful neck.

The artist dips the brush
Now into paint, now into water.
An image blossoms:

Ocher and sienna blend;
The colors thicken —
Shadows outline the round rim,
The colors thin —
Light curves down the glazed flank.

You
Lift the clay jar,
Gaze at the painting,
Read these lines,
You
Have the power
To breathe into a creation
Awareness, thought, meaning,
Life.

Creation

It is possible to escape,
To hide from the darkness:
Squeeze your eyes shut,
Press hard on the eyelids.
Circles of phantom fire
Will blaze in front of your staring pupils.

Let us trade: I would barter
My past, my memory,
For a handful of stars,
For the dimmest of constellations...
But you drive a hard bargain
By simply refusing to exist.

In a blind rage
I splinter my heart into kindling,
Pour gasoline,
Set the whole mess aflame,
Watch as it burns to ashes.
But it keeps on beating,
It keeps on beating in the darkness.

There is nothing to do but sit.

Stare into the void.

Read the blanks on the empty page,

Over and over,

Till they form a pattern,

Till the repetition yields a meaning:

“Let there be darkness, for there is.”

There is darkness.

There is darkness.

There is darkness.

All there is, is darkness.

Until slowly, slowly

Contours form,

A faint outline emerges:

“Let there also be light.”

Realities

*we create a thin veneer of simplicity and
predictability
over terrifyingly unmanageable chaos
and call it reality.*
Anastasya Shepherd

We call it reality
And consider the matter settled,
So we can turn our attention to
Making sandwiches for the school lunchbox,
Submitting the quarterly forecast report,
Walking the dog,
Writing the thank you note.

At least, that is how it is
For some of us,
Some of the time.

We collect data about it,
Quantify the uncertainty
Of our measurements,
Publish papers in academic journals.

We put ironic quotation marks

Around its edges,
Take selfies.

We blaze with anger about what it is,
Emblazon on our banners
What we want it to be.
We split into tribes, go to war,
Mangle and kill each other
Under the pretext
That there is one right way,
One right answer to every question
About the definition
Of a pin, a dance, an angel;
About the way to count how many...

We beat our heads against it,
Search for the path, the mantra, the koan,
Meditate, keep diaries,
Create sand mandalas of great beauty,
Sweep all the colors together,
Let the river carry them away
As we fall into insanity,
Rise to enlightenment,
Or the other way around.

We pick it up like a toy, a ball.

We run across sunlit grass,
Laughing,
Tossing it back and forth.

We forget it in the gathering dusk
Under the lilac bushes.
It is time to go back in,
To get some sleep.

At least, that is how it is
For some of us,
Some of the time.

Constructivism

Proof by construction is the path
That God Himself has set in math.
To prove that chaos can be transformed
Into a world, the world was formed.
A choir of angels came to be
Singing: "Hosanna! QED!"

But man, a thing of clay and dust,
Had little wit and too much trust.
Soon he was fooled and led astray.
And we, his children, to this day
Remain a weak and bounded race.
Induction for the finite case
Is all we do, till in the end
Each one must meet the final N.

But there is yet a baser proof.
It's branded by a fiery hoof.
Proof by negation seeks to alter
The very truth. And should you falter,
And in your pride or desperation
Seek to invoke the dark negation,
Repent! Or you should ever rue

Your “Let the opposite be true”.

Double Negative

*It is like a sword that wounds, but cannot wound
itself...*

Zenrinkushu translated by R. Blyth

Nothing is certain.

Nothing can be guaranteed.

Not even nothing.

American Gothic

She dressed properly,
She spoke quietly,
She loved modestly,
She died peacefully.

Harmless, humble,
God's lamb...

Damn!

Supernova

Loss drives concealed love
To go supernova.

It blows its cover
With a flood of blinding light.

It bursts out,
Piercing space with rays of radiation.

It screams and screams,
Pressing hard against the walls of reality,
Pushing apart the boundaries
Of the universe.

Trees dreaming in winter

In deep winter the sleeping trees
Dream of branching out,
Spreading wider
Than the reach of their earthly life.

Their roots drink in the stillness that pools
Beneath all layers of the ground.

Their crowns bloom with constellations.
They hum and sing with winged beings
Who are tinier than the smallest insect,
Greater than the largest bird.

They drop their luminous fruit
Into the stream
That flows far beyond
The shores of the known world.

Soap bubble

God as a soap bubble:

Water, breath, form.

Sublime, radiant,

Evanescent, eternal,

Emerging again and again,

Beguiling the senses

With rainbow illusions,

Holding the light of existence

With perfect clarity.

Kingfisher

Indigo and russet dandy,
Fearless diver,
You plunge from a tree
Into a stream;
Burst from the water
Into the sky.

Hungry hunter,
You snatch living quicksilver
From the swift current.

In your sharp beak
Quivers my soul.

Глина

Стихи на русском языке

Глина

Как луч, преображённый витражом,
Как воздух, в слово перекованный в гортани,
Душа желает влажной глиной стать,
Во всём покорной всемогущей длани.

Пускай пройти придётся сквозь огонь,
И век служить, и не копить заслуг,
Она желает и творит себе сама
Предназначение, и гончара, и круг.

Узор

Торговцы счастьем, продавцы спасенья
Лукаво зазывают: «Выбирай —
Душа иль тело, вечность иль мгновенье,
Там в ад дорога, тут тропинка в рай».

Но, страха и надежды не тая,
Познает дух, уверится сознание:
Единой нитью по канве небытия
Расшит живой узор существованья.

Элементы

Геоцентрическая космология Аристотеля включала предположение, что вокруг центра Вселенной расположены последовательно сферы четырёх элементов в порядке уменьшения их тяжести – земли, воды, воздуха и огня; выше их расположены небесные сферы.

Из Википедии

1. Недра

В недрах, в сумеречной пещере,
Густ медвежьего логова дух.
Там не логика, и не логос,
И не зреньё, а ощупь и нюх
Постигают древние корни,
Познают первозданный секрет,
Без которого ни разуменья,
Ни прозренья, ни логоса нет.

2. Сообщающиеся сосуды

Через кровь вода проходит и через лёд,
Помнит и соль пучины, и облака лёт,

Сплетает в толще молчания сеть корней,
Беззвучно друг с другом шепчущихся на дне,
Где, кажется, нет ни движенья, ни счёта дней.
Где, кажется, неколебима твердыня камней.

Вода размывает стену меж «да» и «нет»,
Встречает мрак отраженьем и радугой свет.
Поит весенним небом земную грязь
Сообщающихся сосудов живая связь.

3. Зимородок

*В мире не так уж много птиц, нуждающихся
сразу в трёх стихиях – водной, земной и воздушной.
Зимородок – из таких.
Из Интернета*

Зимородок,
Весёлый маленький франт,
Бесстрашный ныряльщик
С земли в воду,
Из воды в воздух,
Недолговечный ловец
Серебряных рыбок,
В твоём клюве
Трепещет моя душа.

4. Игра в бисер

Из речи зачерпывать пригоршни слов и созвучий
И капли нанизывать на паутинные сети —
Двойник, антипод, собеседник, у этих излучин
Так в бисер играть мы учились с тобой на рассвете
И мнили, что день бесконечен, что мы неразлучны.

Давно, так давно... но сплетения зыбкие эти
Сверкают в закатных лучах среди сонных соцветий.

А всё остальное лишь судеб развилка, лишь случай.

5. Сад

*Я хочу, чтобы все вошли в рай.
Тата Гаенко*

Смертному в смерти не усомниться.
До золы, костёр, догорай.
Моя душа не умеет молиться
И не ищет дороги в рай.

Но если ты за меня попросишь,
Буду рада молитве твоей.
Пусть из забвенья на миг возвратится

Имя моё. На твоей странице
В дальнем саду быстрой тенью птицы
Промелькнёт за сплетеньем ветвей.

«Оставь, оставь... Что было, то прошло....»

*...Это была главная церковь Лиссабона. Землетрясение 1755 года, вызвавшее пожар, уничтожило большую часть монастыря, его церковь и библиотеку. Разрушенную церковь решили не восстанавливать. Эти благородные руины можно осмотреть за 3.50 € с 10 до 18.00.
Из Интернета*

* * *

Оставь, оставь... Что было, то прошло.
Что не было, тому уже не сбыться.
Пытаться подсчитать добро и зло —
Напрасный труд.

...Взмывает в небо птица
Над остовом готического храма.
Не здесь, а в Лиссабоне. Не сейчас,
А в памяти.

Всё остальное – рама,
Стремленье заключить и подровнять

Безмерное.

...Премудрый свинопас,
Который тщится сделать состоянье
На перлах, свиньям брошенных, смешней
И бестолковой всех своих свиней.

Двойник заслуженной награды – подаянье.
В дарёной жизни не считают дней.

Круг

Что же, любовь, всё зовёшь ты, всё ищешь
То в небе своё божество, то в толпе?

Алхимик, школяр в фолиантовой чаше,
Усталый паломник на горной тропе,
Пути не найдёшь, не услышишь ответа
И тень не поймаешь, лови не лови.

Нет тайны иной, нет источника света
Иного, чем тот, что трепещет в любви.

Кантата

Словно музыка Баха,
Спокойна и высока
Летнего вечера синь
Над тихим сумраком сада.

Звёзды и светляки
Мерцают над влажной травой,
И благодарна душа
За тишину и прохладу.

И благодарна душа
Творцу, которого нет,
За то, что небытие его
Сокрыто от взора,

Что звёзды и светляки
О Боге всю ночь говорят,
За то, что причастна она
К безмолвному их разговору.

Молитва плотоядному божеству

Не расставляй мне силки,
Не заточай меня в клетку.
Не губи моего птенца
До меня.
Не руби обжитую мною ветку.

В осеннем лесу на закате дня
Высмотри, подкрадись,
И да будет стрела твоя меткой.

Душа *Триптих*

1. Тайком от разума

Сквозь шум и хаос,
Задыхаясь и спеша,
Расслышишь
И признаешь понемногу,
Что молится озябшая душа
Тайком от разума
Низверженному Богу.

2. Прозренье

Душа, не верящая в Бога, —
Нагая, смертная душа.
Её не манят песни рая
И муки ада не страшат.

Ей некуда нести молитвы:
Смиренье, благодарность, лесть.

Она в пути своём бездомна.

Ей сострадание и честь
В ненастье служат маяками.

Она живёт в последний раз.
И пусть прозреньем озарится
Весь путь её в предсмертный час.

3. Свобода

Душа печальна и пуглива,
Нежна, насмешлива, беспечна,
Мудра, бесхитростна, лукава.

Со смертным телом неразлучна,
С ним смертна.

Век свой быстротечный
Познав, приняв, она свободна,
Светла, неповторима, вечна.

Жасмин

Весенняя душа в больном, согбенном теле,
Жасминная, цветущая душа,
Как ты утомлена, как ты близка к пределу
И как благоуханно хороша!

Молчанье

Обряд принятия молчанья

Печален.

Молчалив обряд

Печали.

Предрассветной ранью

Теней неторопливый ряд

Скользит меж темнотой и светом,

Меж сном и явью.

Не спеши

Облечь в слова, в дневные мысли

Посланцев призрачных души.

Зеркальная симметрия

Если Бог создаёт человека
По своему образу и подобию,
То Бог многообразен и изменчив:
Женщина, мужчина,
Младенец, девушка, старик.

Если человек создаёт Бога
По своему образу и подобию,
То Бог противоречив и разнороден:
Отец, мать, судья,
Сестра милосердия, палач,
Самодержец, пастух, поэт.

Молоко и кофе, горечь и сладость
Смешаны по-разному в разных чашках.

Одно постоянно и неизменно:
Уязвимый и конечный создаёт слово,
Отделяющее темноту от света.
Познавший свою смертность
Становится творцом.

Дары звездочёта

Посвящается Елене Касьян

1. Слова

*Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно
полегчать.
Елена Касьян*

«Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно полегчать».
По ниточке этих слов я карабкаюсь к дальнему свету.
У них я учусь стихами не говорить, а молчать.

2. Хлеб

*...у памяти не было веских причин
нас кормить от души воробьиным усушенным
хлебом...
Елена Касьян*

Без крошек птичьего хлеба
В сытости нет утоленья.
Асфальт городской был бы мёртвым,

Если бы не воробьи.
Душа благодарна за россыпь
Воробьиного угощенья —
Слова любви и печали,
Простые строки твои.

3. Метель

*Смотри, как перевозят снег
В небесной лодке...*

Елена Касьян

Небо придумывает снежинки —
Созвездия, рои, кружевные вихри
Бессчётных танцовщиц, мотыльков, соцветий.

У каждой, у каждого есть миг рожденья,
Свой путь, своё место, своя кончина,
Заветное, неповторимое имя,
Строка на тайных, вечных скрижалях.

4. Свет

*Мы войдём в этот свет, в этот год,
в этот белый предел...*

Елена Касьян

На обледеневшей крыше

(О, как высоко, как страшно!)
Звездочёт разгребает,
Как первый снег, облака.

Приподнявшись чуть выше,
В ладонь собирает неспешно
Созвездья... Не оскудевает
Дарящая звёзды рука.

«Не зверь, не человек, не бог...»

* * *

Не зверь, не человек, не бог...
Но кто-то смотрит вслед,
Высвечивая дальний путь
Сквозь толщу миль и лет.

Сквозь ночь, сквозь штормовую мглу
Мне вдруг издалека —
Луч взора этого как знак,
Как проблеск маяка.

Не зверь, не человек, не бог...
Но знаю – выйдет срок,
И прочитавший тайный смысл
Всех дел моих и строк
Заглянет прямо мне в глаза
И подведёт итог.

Исход из центра Сансары

Ты же бог

Или демон, что однофигственно...

Тата Гаенко

1

Вылупиться из скорлупы своего я.
Не нарекать своё отражение
Ни демоном, ни богом.
Обнаружить, что предназначение зеркала —
Пускать солнечных зайчиков.

2

Река, и солнце, и деревья.
В движении – вода, и свет, и листья.
Рябь отражений серебрит изнанки листьев.
И ветви шелестят, колеблют блики,
Играя светом на поверхности воды.

«Не там и не тогда – сейчас и здесь...»

* * *

Не там и не тогда – сейчас и здесь.
Не то, что быть могло, а то, что есть:
Ладонь открытая и вольное дыхание.
На полпути между твореньем и творцом
Конец с началом сомкнуты в кольцо,
И молнией – мгновение познания.

«Скажи, откуда это воспоминанье...»

* * *

Скажи, откуда это воспоминанье:
Взмах, толчок, упругость под плавником.
Движение вверх, вода омывает жабры,
Мерцанье чешуйчатых тел – идём косяком.

А может быть, правы индусы и все мы – скитальцы,
Кочуем из жизни в жизнь, из сюжета в сюжет?
Скажи, что снится тебе?

Железные цепи,
Браслеты из львиных когтей, белоснежность манжет...

Но, значит, всё-таки руки? Меняются только
Костюмы да реквизит – то стилет, то стило.
А мне всё чудится снег, морозящий лапы,
И свет предвечерний, лежащийся на крыло.

Свет

У Ангела крыла

Обожжены...

Наталья Мурадова

Не веруя, верю лишь вере твоей.
Под свод не ступив, я стою у дверей.
Я странник здесь, а не паломник.

Но видит душа и запомнит
В молитве воздетые руки свечей,
Над ними простёрты ответом
Крыла небывалого света
В дыму золотом опалённых лучей.

«До ночи донести набухшие глаза...»

* * *

До ночи донести набухшие глаза,
Сдавить до темноты звериный вой тоски.
А там уж вскрыть сосуд отточенным серпом.
Пусть хлещет чёрный ток на звёздные пески,
Пусть молится душа, кошунствует язык —
Бог ночи тугоух и ко всему привык.

«Ослепший разум следует покорно...»

* * *

Ослепший разум следует покорно,
Душе поверив.
Недогадливый слепец
Не ведает, что поводырь
Незряч и претендует на бессмертие.

...А впрочем,
Короче путь, зато богаче счастьем.
Пределам горизонта неподвластный,
На слух, на вкус, на ощупь
Мир – прекрасен.

Пляска

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.